

Семенов Сергей Терентьевич
Внизу

Date: декабрь 2009

Изд: Семенов С. Т. Рассказы и повести (Из наследия) / Сост., вступ. статья С. П. Залыгина. -- М.: Современник, 1983.

OCR: Адаменко Виталий (adamenko77@gmail.com)

Внизу

Рассказ

I

В Москве, в Мамошинском переулке, в ветхом каменном флигеле, во дворе между различных заведений была одна квартира, занятая коечными жильцами. Она состояла из двух больших низких комнат во втором этаже и содержалась вдовой кучера, убитого лошадьё, Ефросиньей Ермолаевой. В этой квартире, в задней комнате, что была темнее и грязнее передней, жили только коечники, а переднюю, бившую и почище и посветлей, занимали такие жильцы, которые и харчевались у хозяйки. Этих нахлебников у Ефросиньи было трое: старший рабочий по устройству парового отопления Молодцов, переплетчик Золотов и швея Агаша. Кроме них, в передней половине была еще одна жилища, молодая дамочка без определенных занятий, Авдотья Ивановна Крамарева, но она занимала не угол, а каморку сзади печки и отличалась от всех жильцов некоторою зажиточностью. Она имела, кроме фигурной металлической кровати, комода с зеркалом, огромный сундук с разным добром. За квартиру она платила дороже всех, столовалась и пила чай отдельно.

После Крамаревой больше других подвижности было у Агаши. Она жила прежде по барским домам, домовою швеей, но на последнем месте к ней привязался молодой барчук, она забеременела и, родивши девочку, потеряла возможность жить на прежних местах. У ней была швейная машинка и небольшие деньги, выплаченные ей отцом соблазнителя, при помощи чего она и существовала. Она работала на рынок мужские рубашки и женские кофточки. Ее работу брала у нее Ефросинья и продавала у Сухаревки, платя Агаше по пятнадцать копеек от штуки. Кроме ножной машинки, у Агаши была корзинка на колесах, в которой помещалась ее девочка, и тоже сундук. Постель ее была завешена ситцевым пологом, и в головах возвышались две пуховые подушки.

Мужской элемент был беднее женщин. У Молодцова еще висел на стене небольшой шкафчик с книжками и стоял небольшой деревянный стол, покрытый вместо скатерти газетой, у Золотова же, кроме сундука под кроватью, ничего не было.

Было праздничное теплое и ясное весеннее утро. В открытые окна квартиры доносился чей-то говор со двора, трескотня легковых извозчиков и колокольный звон. В квартире было светло и тихо. Из задней комнаты все жильцы разбрелись кто на рынок, кто к знакомым землякам. В передней же все, за исключением Крамаревой, были дома. Агаша сидела на табуретке около своей постели и, уставив в окно свое бледное и симпатичное лицо с прямым профилем, большим пучком волос на затылке, кормила грудью ребенка, а хозяйка, пожилая, коренастая, с жилистыми руками баба, с одеревеневшим от труда и заботы лицом, обвешивала в своем углу у печки нашитым за неделю Агашей бельем свою дочь Пашу, худощавую, плохо сформировавшуюся, несмотря на семнадцать лет, живущую в ученье у цветочницы, и отправляла ее к Сухаревой продавать его. Золотов же и Молодцов лежали на своих постелях. Золотов читал газету, а Молодцов, положивши под голову кисти рук; с мечтательным выражением на лице глядел в потолок.

Молодцов был молодой парень с густыми темно-русыми кудрями, светлыми усиками и говорящими о постоянной задумчивости темно-голубыми глазами. Принадлежал он к разряду тех молодых рабочих, для которых цель жизни была не в одном заработке. Он любил думать, размышлять, в свободное время много читал и за последние два года даже сам стал писать. Он пописывал стихи, выражая в них свои мысли и чувства, и его стихи были довольно гладки и содержательны. Писал он для своего удовольствия, почти никому не показывая из товарищей и ни с кем не советуясь о качестве своих стихов больше потому, что ему не с кем было посоветоваться. И только недавно, когда в Москве родился новый журнал "Друг народа", Молодцов, чувствуя к этому журналу необыкновенную симпатию, переписал свои лучшие, по его мнению, стихи в особую тетрадку и вчера понес их в